

С. М. ЛУКЬЯНОВ

<Об интимных особенностях телесной организации Вл. С. Соловьева>

Нисколько не рассчитывая, при скудости фактических данных, разобраться уже теперь в этой темной области, мы не считаем себя, однако же, вправе совершенно обходить ее молчанием, ибо не подлежит, конечно, сомнению, что соматические особенности организации отражаются всегда более или менее резко и на психических отправлениях, в особенности когда дело идет о такой важной анатомо-физиологической системе, как система сексуальная. Считаем поэтому нелишним указать хотя бы мимоходом на письмо Соловьева к его брату Михаилу, относящееся, по всем вероятиям, к 1893 г. В письме этом встречается указание на некоторую анатомическую аномалию, могущую иметь известное значение в разумеемом здесь смысле (к сожалению, подробности, важные с медицинской точки зрения, скрыты в печатном тексте под многоточием)*. Припоминаются нам также слова П. С. Соловьевой¹, сестры нашего философа: в разговорах интимного свойства с близкими людьми Соловьев заявлял, что ему легче представить себе сближение с женщиной, чем с девушкой (признание, представляющее интерес не только психологический, но и физиологический). О том, что соматическая сфера — чтобы выразиться осторожно — озабочивала Соловьева, свидетельствует, далее, сообщение В. В. Розанова: «В 1894 г. только что познакомившийся с Соловьевым и со мною, покойный Ф. Э. Шперк² передал мне, не без удивления, весьма сочувственные слова Соловьева о принципе оскотления как радикального средства отвязаться от угнетающей нас “плоти”... Соловьев, так же как и Леонтьев³, как и заморивший себя постом Гоголь, не

* Письма Владимира Соловьева к брату Михаилу // Богословский вестник. 1916. Янв. С. 25.

усматривали *положительного, светлого и праведного* содержания в том, на что посягновение совершил уже Ориген⁴» *.

Намеки на какие-то оперативные воздействия со стороны врачей — далеко, впрочем, не столь решительного характера, как те, которые имел в виду В. В. Розанов, — встречались нам и в рассказах Е. И. Боратынской⁵, ссылавшейся на полушуточные замечания граф. Н. М. Соллогуб⁶ (Соловьев-де окрестился «по-еврейски»). Разъяснение всего этого содержится, по всем вероятностям, в вышеупомянутом письме к брату Михаилу (при перечислении своих болезней Соловьев называет здесь *phimosis*⁷). <...>

* Из переписки К. Н. Леонтьева / С предисловием и примечаниями В. В. Розанова // Русский вестник. 1903. Май. С. 155—182; Июнь. С. 409—498; С. 437.